

Тува вчера, сегодня, завтра

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

И. В. Отрощенко

Аннотация: Статья посвящена роли монгольского языка в официальной сфере, тувинском образовании и СМИ в первые годы существования Тувинской Народной Республики. Также исследуется полемика вокруг выбора языка обучения в образовательных заведениях и вокруг создания тувинской письменности в 1920-е гг. Доказывается, что на модернизацию языковой и образовательной сфер ТНР влияли тенденции языковой политики СССР и решение советской дипломатии и Коминтерна постепенно выводить Туву из-под монгольского влияния. В статье освещается ряд неизвестных и малоизвестных фактов, которые характеризуют культурно-образовательное развитие ТНР.

Ключевые слова: Тува, ТНР, Монголия, СССР, Коминтерн, государственный язык, монгольский язык, история тувинской письменности, латинизация, языковая политика.

До 1930 г. тувинцы не имели собственной письменности. В Урянхайском крае вся официальная документация велась на монгольском языке, начиная со времени вхождения тувинцев в состав Цинской империи. Первыми тремя амбын-нойонами Тувы были этнические монголы. Это было вызвано, в частности, и сугубо прагматической причиной: ни один из тувинских правителей, способных возглавить административное управление, не был знаком с монгольским и китайским письмом и, соответственно, не мог самостоятельно вести дела. Лишь в 1786 г. тувинец по происхождению Дажи Оюн, который изучил основательно монгольский язык, овладел монгольской письменностью, знал буддийские традиции и обучился вести дела, получил государственную печать на управление Урянхаем. Б. Я. Владимирцов отмечал, что монгольский язык имел достаточно сильное распространение среди тувинцев, в частности, будучи языком культуры, особо распространенным среди людей и групп, которым так или иначе приходилось иметь дело с культурными начинаниями (Владимирцов, 1989: 14; см. также: Адрианов, 2007: 101). Тувинские ари-

---

Отрощенко Иванна Витальевна - доктор исторических наук, старший научный сотрудник;
ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока Института востоковедения
им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины, г. Киев.

стократы и чиновники владели монгольским языком, читали монгольские газеты. Читали на монгольском и ламы, которые до 1930-х гг. обучились в монастырях Западной Монголии и Халхи и часто осуществляли паломничества в Ургу. Представители тувинской верхушки также направляли своих детей на обучение в Монголию (в частности в Улясутай), с целью подготовить их к государственным делам, изучали монгольский язык и письменность (см.: Ошурков, 2007: 226).

Ведение деловодства на монгольском языке в течение более полутора столетий, знакомство с литературой монголов, плотные контакты с монгольским культурным миром — все это привело к постепенному зарождению монголоязычной литературы тувинцев (Самдан, 2001: 6). Тувинская исследовательница А. Самдан полагает, что тувинцы начали создавать свои литературные и исторические сочинения приблизительно со второй половины XIX в. После 1911 г. тувинские авторы продолжали работу по созданию и переписыванию сочинений на монгольском языке. Тувинские летописные сочинения до 1930 г. распространялись в рукописных списках, за исключением напечатанных в типографии в первое десятилетие существования ТНР. Сочинения, хранившиеся у частных лиц, передавались из рук в руки, некоторые из владельцев вносили в них изменения и дополнения по собственному усмотрению (там же: 7). Как видно, старомонгольская письменность оказала существенное влияние на развитие тувинской культуры.

До 1930-х гг. монголы и тувинцы довольно часто ездили друг к другу, торговали; некоторые тувинцы кочевали на монгольской территории. Общение между ними осуществлялось, преимущественно, при помощи монгольских языков, которыми владела часть тувинцев. Умение говорить на монгольском языке не составляло монополию лишь тувинской элиты, оно было присуще и простому люду: много кто из тувинцев говорил по-монгольски (Маслов, 1933: 10; Татаринцев, 1976: 8). Б. Владимирцов указывал, что многие тувинцы говорят по-монгольски хорошо в силу соседских взаимоотношений, а некоторые из них, например, сойоты, которые выдвинулись в монгольский мир за Танну-Ула и на озере Косогол (Хубсугул), настолько усвоили монгольский язык, что их можно считать двуязычными (Владимирцов, 1989: 14). С 1930-х гг. активные контакты тувинцев и монголов надолго прекратились в связи с закрытием тувинско-монгольской границы.

Двуязычие тувинцев было распространено, преимущественно, в пограничных с Монголией районах. Советский этнограф К. Прокофьева, которая посещала Туву в первой половине 1950-х гг., отмечала: «В юж-

ных районах Овюр, Монгун-тайга, Эрзин тувинский язык включает в себя [имеет] значительно большее количество монгольских слов, в нем заметнее влияние монгольской фонетической системы. Группа Кыргыз в Тере-холе, Эрзине хорошо владеет монгольским языком, плохо знает тувинский. Дома, в быту говорят по-монгольски. Ребята-дошкольники вовсе не знают тувинского языка. Старики и некоторые семьи колхозников Кыргыз, недавно пришедшие из Монголии, также совсем не говорят по-тувински... Таким образом, восточная группа Кыргыз лишь в последние годы овладевает тувинским языком; до недавнего времени (а у нескольких семейств еще и в 1955 г.) монгольский язык для них был родным языком» (Прокофьева, 2011: 383). «Между тем в юго-восточной Туве до настоящего времени довольно большой массив тувинского населения активно использует в бытовом общении монгольский язык вместо тувинского, хотя последний и знают. Владение монгольским языком этой группы тувинцев, принадлежащих в основном к родам соян, иргит, чооду и кыргыз обусловлено историческими причинами и связано главным образом с различного рода контактами, в том числе и брачными с монголами соседних аймаков», — писала в 1980-е гг. советская исследовательница А. Уланова (Уланова, 1988: 1).

Сейчас контакты между южными тувинцами и монголами приграничных аймаков Монголии восстанавливаются, и они общаются между собой на монгольском языке, причем без каких-либо затруднений (Кулар, 2012: 196). По данным тувинских исследователей, на юго-востоке Тувы, в поселениях Булун-Бажи, Нарын и Качик местный диалект монгольского языка до сих пор исполняет функцию домашнего разговорного языка. В сумонах Нарын и Качик независимо от возраста разговаривают на монгольском очень хорошо. По результатам опроса филологов Тувинского госуниверситета выяснилось, что большая половина населения считает родным языком монгольский. В Тере-Холе люди старше пятидесяти монгольский знают хорошо и владеют им в достаточной мере. Молодежь и люди среднего возраста поддерживают общение на тувинском языке, иногда используют русский (там же: 8).

Но именно 1920-е гг. стали звездным часом для монгольского языка в Туве (см.: Татаринцев, 1976: 10). После провозглашения ТНР в течение следующих десяти лет (1921–1930) все делопроизводство в государственных и общественных учреждениях велось на монгольском языке. Его изучали в школах, на нем выходили первая тувинская периодика. Тувинцы позаимствовали у монголов много слов из специальной лексики, харак-

теризующей изменения в политической и культурной жизни. Хотя при этом советский полпред в ТНР 31 декабря 1930 г. утверждал, что в республике «2% грамотных на монгольском языке и то в верхушечной части, ламы, бывшие чиновники и т. п.» (Государственный архив Российской Федерации, далее — ГАРФ. Ф. Р–5446, оп. 12а, ед. хр. 980, л. 10).

В 1923 г. в Кызыле открылись курсы партийного обучения, где слушатели, в частности, овладевали монгольским алфавитом, читали сначала классические монгольские произведения. IV съезд Тувинской Народной революционной партии (ТНРП) (14–19 октября 1925 г.) постановил до появления своей письменности обучение проводить на монгольском и русском языках, официальную же работу в учреждениях вести на монгольском (Российский государственный архив социально-политической истории, далее — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 220б.). Новоизбранному ЦК поручалось приобретение революционной литературы в СССР и Монголии, как на русском, так и монгольском языках, и распространение ее среди населения. Со временем в тувинскую столицу стала поступать социально-политическая, художественная и прочая литература, изданная в Москве, Улан-Баторе, Улан-Удэ. По просьбе ЦК ТНРП, Бурятский обком ВКП(б) та ЦК Монгольской народно-революционной партии (МНРП) (с 1925 г.) присылали в Туву свою периодику, переведенные и оригинальные работы. Среди них — резолюции и решения съездов и пленумов МНРП, материалы ряда съездов РКП(б), постановления Великих Хуралов и Конституции МНР, собрания законов про государственное строительство, бюллетени правительства Монголии, Программа Коминтерна, Устав ВКП(б) и т. д. Полученные от полпредства ТНР в МНР монгольскую периодику и законоположения МИД ТНР, после изучения, передавал в ЦК ТНРП, ЦК Тувинского революционного союза молодежи (ТРСМ, сокращенно — ревсомола) и государственные учреждения (История Тувы, 2007: 343). В 1920-е гг. на монгольском издавались отдельные постановления ЦК, пленумов и съездов партии, программа и Устав ТНРП, некоторые законы, Конституция ТНР и прочие документы.

15 мая 1929 г. в письме из Кызыла в Восточный секретариат Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) П.Миф¹ сообщал, что из учебных пособий на монгольском языке в Туве есть переведенные учебники: 1) Коваленко — «Политграмота», 2) Тайжина — «Политграмота» и 3) Ярославского — «Политграмота для деревни». Все эти учебники издания БМАССР и для тувинцев перевод малопонятный. Коминтерновский функционер переживал, что на месте совершенно

нет «переводов отдельных статей Ленина, Маркса, Бухарина и др. видных марксистов-ленинцев». По его мнению, «в Монголии этими вопросами занимаются больше и было бы желательно получить от них и программы и соответствующие учебные пособия. К тому же, было бы не плохо, если бы на лето приехала группа студентов-монголистов из КУТВа (Коммунистического университета трудящихся Востока. — И. О.) специально на работу по партпросвещению. Эти студенты (тувинцы, монголы, буряты) могли бы, получив непосредственно в Москве инструкции, программы и другие материалы, провести значительную работу по партпросвещению в организации» (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 57). Подчеркивалось, что работу эту можно провести только в летний период, так как зимой все члены НРП перекочевывают поодиночке в тайгу на охотничий промысел. В письме была просьба сообщить о возможности создания такой пропагандистской группы на лето 1929 г.: дабы на месте можно было до приезда их провести соответствующую подготовительную работу. Как видно, вначале свои познания из области новой политической теории тувинцы черпали преимущественно из монгольских работ, и эта тенденция имела частичное продолжение и в 1930-е гг.

Осенью 1925 г. в Кызыле организуются курсы по изучению русского языка с 38 слушателями и курсы по изучению монгольского языка с 150 слушателями — интересный факт, характеризующий ситуацию в тувинском образовании того времени. На IV съезде ТНРП прозвучало, что, по просьбе ЦК, из Улан-Батора отправили в Туву 2 преподавателей, но те прибыли, когда ученики уже разъехались. Поэтому преподаватели решили вернуться домой и пообещали в следующем учебном году снова приехать в Туву (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 80б.). С 1926 г. начала постоянно функционировать Тувинская центральная партийная школа, где изучался, в частности, и монгольский язык (программой предусматривались 120 занятий, которые в целом составляли 180 часов). В курсе истории изучалось и “Отношение Автономной Монголии к тувинскому народу после Китайской революции (1911)” (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 8, л. 87–90). В 1928–1929 учебном году в Туве действовали три школы первой степени, где обучались монгольскому языку 160 человек. К. Прокофьева указывала, что эти учреждения мало отличались от монастырских школ, потому что учителями в них были 6 лам. Обучение велось на монгольском языке и носило явно религиозный характер (Прокофьева, 2011: 387; см. также: С. М., 1932: 326). По словам В. Мачавариани, представителя Коммунистического интернационала молодежи (КИМа) на IV съезде тувинского ревсомола², осенью 1928 г. в Кызыле действовала свет-

ская школа, где тувинские переводчики учили детей преимущественно монгольскому языку. Рассказывали, что за 6–7 месяцев дети уже начинали разговаривать на монгольском и пели на нем же песни (Мачавариани, Третьяков, 1930: 82).

В течение 1924–1929 гг. ЦК ТНРП отправлял учиться определенный контингент в партшколу при ЦК МНРП. Среди ее слушателей были будущие генсек ЦК ТНРП О. Соднам и глава Президиума Малого Хурала ТНР А.-Т. Хемчик-оол. С другой стороны, тувинские ламы ездили на обучение в монгольскую столицу, как минимум, до конца 1920-х гг. Так, по некоторым данным, в 1928 г. на государственные и монастырские средства в Улан-Баторе училось 20 «слишком молодых» тувинских лам (цит. по: Моллеров, 2013: 28).

Монголоязычной была и первая тувинская периодика. В 1924 г. Я.Давтян³ в своем политическом докладе о работе в Туве замечал, что нужно помочь тувинцам наладить монгольскую типографию (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 1, л. 8). Установлено, что первая тувинская газета начала выходить с разной периодичностью еще в 1925 г. 1 августа 1925 г. был напечатан первый номер газеты «Эрх чолоот Танну-Тува» («Освобожденная Тува»). Основателем газеты значился ЦК ТНРП. 27 июля 1926 г. название газеты «Эрх чолоот Танну-Тува» сменилось на «Танну-Тувагийн унэн» («Правда Танну-Тувь»). Имеются сведения, что араты покупали газеты, но так как среди них не было людей, которые бы смогли объяснить содержание написанного в газете материала, хранили их в сундуках (Кан, 2009а: Электр. ресурс). В. С. Кан пишет, что на практике, единственным способом ознакомления аратов с содержанием газет стала привычная форма ее устной передачи посредством пропагандистов, агитаторов ТНРП, ТРСМ и людей, знавших монгольский язык. В хошунах работники газеты, активисты ТНРП, ТРСМ проводили громкие чтения и разъяснения печатных материалов. Однако из-за недостаточного количества образованных людей, нерегулярности выхода периодических изданий, проблем с их своевременной доставкой коллективные чтения носили, скорее всего, эпизодический характер (Кан, 2009b: 154). С третьего номера, вышедшего 19 апреля 1927 г., «Танну-Тувагийн унэн» стала называться просто «Тувагийн унэн» («Тувинская правда»). Сначала газета издавалась на монгольском языке, а с 19 января 1931 г. — уже на тувинском под названием «Шын» («Правда»).

До осени 1926 г. партия и ревсомол Тувы не имели своего печатного органа, а пользовались монгольскими периодическими изданиями (РГА-

СПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 5, л. 118). Потом стали выходить тувинские монголоязычные журналы «Хувисгалт Ард» («Революционный арат») — орган ЦК ТНРП и «Залуучуудын зорилго» («Задачи молодежи») — периодическое издание ЦК ТРСМ. Но о монгольской периодике в Туве не забывали. Сохранилось постановление президиума ЦК ТНРП о состоянии интернационального воспитания в парторганизации от 15.04.1933 г., которое, в частности, рекомендовало партактиву (знающим русский язык) выписывать журнал «Коминтерн» и советские газеты и журналы «руководящего характера», а также выписку монгольских газет и журналов (для тех, кто знает монгольский язык) (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 60, л. 53).

Во второй половине 1920-х гг. продолжалась полемика относительно графической основы, на какой нужно создавать тувинскую письменность. Этот вопрос сразу приобрел политическую окраску и поставил тувинское государство перед неким «цивилизационным» выбором: оставаться в сфере влияния монгольской культуры или переходить в советское культурно-образовательное пространство? Языковое строительство в Туве, как и в СССР, сопровождалось своеобразной риторикой, отражавшей взгляды советской правящей элиты на задание языка в обществе. Как уже указывалось выше, IV съезд ТНРП постановил на первых порах обучение проводить и на монгольском, и на русском языках, официальное делопроизводство вести на монгольском языке. На самом съезде звучали вопросы тувинских делегатов: какую надо вводить письменность, «беря за основу русскую или монгольскую?» Мол, монгольский алфавит не дает возможности отобразить буквами все звуки тувинского языка, русский же алфавит, если добавить некоторые буквы, вполне подойдет. А. Амур-Санан, представлявший Восточный отдел Коминтерна, утверждал, что монгольская письменность носит характер чего-то устаревшего, не пригодного к современным условиям жизни, а русская письменность ныне — это язык, на котором «впервые прозвучали на весь мир идеи освобождения угнетенных народов» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 22об.). Было предложено передать эти вопросы на обсуждение АН СССР. При этом в коминтерновских тезисах о введении письменности, адресованных IV съезду ТНРП, указывалось, что близкие тувинцам народности (ойраты⁴, калмыки и пр.), имеющие большое сходство в жизни, языке и в произношении слов с тувинцами, взяли за основу русские буквы и сделали к ним некоторые дополнения⁵. Такой вариант, в частности, позволит русским быстрее и удобнее обучиться тувинскому языку и «предоставлять им свою братскую помощь, развивать культуру, развивать национальное тувинское образование» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 60). Поэто-

му тувинский народ должен учредить собственную письменность, пользуясь русскими буквами или шрифтом, учитывая невозможность записывать все слова тувинского языка монгольскими буквами. Год спустя, на заседании Политбюро ЦК ТНРП (от 30 сентября 1926 г.) в докладе полпреда ТНР в СССР Сыден-Соднома прозвучали такие простодушные слова: «Москва есть действительным культурным центром мира. Газеты и журналы полностью освещают жизнь всех крупнейших держав мира. Для тех, кто владеет русским языком и письменностью, жизнь в Москве есть настоящим наслаждением» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 7, л. 57).

В справке «Тува», составленной советской стороной и датированной началом 1929 г. упоминалось, что культурное строительство в ТНР и подготовка нового кадра национальных работников упираются в отсутствие национальной тувинской письменности. Хотя тувинцы «не являются ветвью монгольской расы» и их разговорный язык не похож на монгольский, они используют монгольскую письменность, и это ставит Туву в невыгодную зависимость от Монголии в плане культурного развития. Среди практических заданий советской стороны были следующие: 1) форсировать подготовку новых кадров путем укрепления существующей в Туве партшколы и выделения соответствующего количества мест для тувинцев в советских партийных и специальных учебных заведениях; 2) предоставить ТНРП материальную поддержку для налаживания издательского дела и быстрее перевода его на национальную письменность по примеру тюркских народов СССР (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 41). В 1928–1929 гг. латинизация у мусульманских народов СССР окончательно победила, а к началу 1930-х гг. на латиницу перевели и большинство других языков народов СССР, как бесписьменных, так и имевших письмо на другой основе, в частности, бурят-монгольский и калмыцкий. По мнению российского лингвиста В. Алпатова, латинизация соответствовала господствующей тогда в СССР идеологии интернационализма (Алпатов, 1997: 67). Тут стоит вспомнить аргументы А. Луначарского, который презентовал, в частности, идею «латинизации русского алфавита (конечно, и Украины и Белоруссии)»: «Зато выгоды, представляемые введением латинского шрифта, огромны. Он дает нам максимальную международность, при этом связывая нас не только с Западом, но и с обновленным Востоком; он особенно сильно облегчает обучение грамоте, сокращая количество букв, он дает большую убористость типографским знакам, как говорят, почти на 20%, что представляет собой огромную экономию» (Луначарский, 1930: Электр. ресурс). Такая языковая тенденция в Советском Союзе стала решающей для выбора проекта письменности в Туве.

Над созданием тувинской письменности в ТНР в 1920-е гг. работала группа ученых лам во главе с ламою Верхне-Чаданского хурэ М. Лопсан-Чимитом (больше см.: Бичелдей, 2010: Электр. ресурс). На одном из заседаний Политбюро ЦК ТНРП (1929 г.) специальным постановлением на Лопсан-Чимита была возложена ответственность за эту работу, а МИД ТНР поручен контроль за ее исполнением (Монгуш, 2010: 135). По воспоминаниям одного из творцов тувинской письменности А. Пальмбаха (который много лет провел в Туве), при участии чаданских лам (Севена и Лопсан-Чимита) в 1928 г. был составлен проект тувинской письменности на латинизированном алфавите. Этот проект не привился и не получил распространения, так как он неверно устанавливал состав звуков тувинского языка и механически переносил на тувинский язык традиционные правила письма на латинописных алфавитах других языков (Пальмбаха, 1935: 165). Известно, что гебши Севен, который учился в Монголии и владел монгольским и тибетским языками, считал необходимым основать при монастырях свои тувинские школы, чтобы не ходить за учебой в Тибет и Монголию, а в школах этих нужно учить не тибетской, а новой тувинской письменности, которую он изобрел (Мачавариани, Третьяков, 1930: 90).

18 июня 1929 г. В. Богданов, советский представитель при ЦК ТНРП, докладывал, что в тувинских начальных школах отсутствует четко выбранный язык преподавания. Часть школ работала на русском и монгольском языках, а часть — только на монгольском. Но не было учебников на монгольском языке для второго и третьего и вообще для дальнейших годов обучения (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 29, л. 31). Вопрос относительно языка преподавания носил очень серьезный характер вплоть до появления тувинской письменности. Были сторонники как монгольского языка, так и русского. По словам советского представителя, принятие русского языка политически щекотливо⁶. Монгольская письменность сама на распутье, она находится накануне латинизации (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 29, л. 31)⁷. Прежнее партийное руководство привлекло к проработке первого вопроса передовых лам, а также обратилось за содействием к АН СССР. Ламы разработали письменность на основе немецкого алфавита, а Академия наук предложила ново-тюркский латинизированный алфавит. Великий хурулдан принял проект лам, — утверждал В. Богданов (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 29, л. 31). В настоящее время на месте сил для дальнейшей проработки вопросов письменности не имеется. Знатоков-языковедов среди лам нет и их привлечение политически нецелесообразно. Приглашение специалистов из АН СССР не удалось. Предполагается вновь пересмотреть этот вопрос и принять ново-тюркский алфавит. Это целесообразно, поскольку

Тува может воспользоваться трудами Комитета по латинизации тюркского языка и самостоятельно все вопросы языка и письменности прорабатывать не будет: “Возможно на месте ограничиться соответствующей терминологической работой на местном живом наречии” (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 29, л. 31). Из этого доклада В. Богданова можно сделать вывод, что тувинская элита не сразу приняла предложение от АН СССР, склоняясь к проекту письменности своих соотечественников, и отказались от него под внешним давлением, о чем речь пойдет далее.

9 октября 1929 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л. Карахан в обращении к коминтерновцам утверждал, что монгольская письменность есть в Туве, по сути, «лишь языком буддийских дацанов и канцелярий. Между тем, наша задача, мне кажется, состоит в том, чтобы тувинцы могли при нашей помощи создать свою письменность на основе латинизированного тюркского алфавита, что они уже начали делать и что их культурно может сблизить с алтайцами и хакасами» (подчеркнуто в источнике. — И. О.) (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 125). В свою очередь в послании VIII съезду ТНРП (20 октября — 10 ноября 1929 г.) Восточный секретариат ИККИ надеялся, что съезд отклонит «реакционные предложения» духовенства по вопросу о письменности и выступит за принятие латино-тюркского алфавита, обеспечив вместе с тем постановку вопроса о культурной революции, борьбе за грамотность (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 29, л. 49–50). В таком случае Восточный секретариат обещал обратиться к ЦК ВКП(б) с предложением предоставить Туве помощь в этом вопросе.

При этом 28 октября 1929 г. И. Райтер⁸ в своем докладе на VIII съезде ТНРП, призывая форсировать введение национальной письменности, предложил принять пока русский язык в качестве основного языка преподавания в тувинских школах. Услышав об этом, Л. Карахан удивился, как И. Райтер мог предложить такую «такую непроходимую политическую глупость» и как он позволил себе это сделать, «не имея никаких указаний от нас» (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 144)? Л. Карахан считал: если тувинцы за последнее время заняты вопросом о переходе с чуждого их языку монгольского алфавита на латинизированный тюркский алфавит и, при содействии ученых-тюркологов из АН СССР, уже предприняли в этом направлении некоторые практические шаги, то это совсем не значит, что до окончания этих опытов им можно навязать русский язык, да еще и как основной язык преподавания в школе: «Ударятся в такую крайность — значит давать вполне основательный повод к обвинению

нас в русификаторской политике, к отождествлению в глазах тувинской массы Коминтерна и СССР с имеющимися в Туве русскими кулаками-колонизаторами» (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 144). Эта ситуация свидетельствует о расхождениях в позиции советской дипломатии и Коминтерна, имевших место в тот период, в частности, во взаимоотношениях со странами Востока.

Тувинцы прислушались к пожеланиям Восточного Секретариата. Создание письменности ламой было решено «считать абсолютно недопустимым как с моральной точки зрения, так и с политической» (цит. по: Монгуш, 2010: 135). Резолюция VIII съезда ТНРП поручала ЦК в срочном порядке проработать вопрос о введении латинизированного новотюркского алфавита с учетом особенностей тувинского языка, используя опыт ближайших тюркских народностей. Учитывая, что основные тувинские кадры учились в Советском Союзе, а также потребность дальнейшего укрепления связей с СССР, съезд считал необходимым обратить особое внимание на изучение русского языка (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 30, л. 75). Утверждалось, что самой существенной мерой, которая ослабит влияние духовенства, станет борьба за ликвидацию безграмотности населения, в первую очередь, членов партии.

1 января 1930 г. В. Богданов, ставший представителем Коминтерна в Туве, сообщал, что на месте нет ни сил, ни средств для создания тувинской письменности. Он напоминал, что при старом руководстве⁹ инициатива разработки письменности принадлежала ламству. Ламы кое-что сделали и не остановились даже перед критикой проекта профессора Н. Поппе (АН СССР). В. Богданов опасался, что в случае затягивания этого вопроса инициатива снова может оказаться в руках лам, которые нередко прибегают к помощи монгольского ламства (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 1). По словам представителя Коминтерна, случаи бойкота тувинизации аппарата, даже в правительственных учреждениях, не редки. В школах 1 и 2 ступени тувинизация не проводится, тувинский язык не изучается. Программы школ не приспособлены к тувинским условиям (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 8). Проблемы такого рода медленно преодолевались даже после создания в 1930 г. тувинской письменности. Так, 8 сентября 1931 г. Восточному секретариату ИККИ докладывали из Кызыла, что вопрос о тувинской письменности, о подготовке кадров приобретает исключительно острый характер. Пока государственной письменностью была монгольская, весь аппарат был построен таким образом, чтобы обеспечить переводы с русского языка на монгольский. При этом значительное количество работни-

ков знали и знают монгольский язык. С введением своей родной письменности есть значительные затруднения, которые руководство решительно преодолевает (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 44, л. 91).

Положение дел в гуманитарной сфере в этот период иллюстрирует докладная записка А. Пальмбаха советскому полпреду в Туве Н. В. Попову. А. Пальмах докладывал, что меры, предпринимаемые тувинским правительством и партией для ускорения темпов развития культурной революции в стране, упираются в ряд серьезных трудностей, из которых главная — необеспеченность школ, курсов для взрослых, ликпунктов и добровольных кружков по изучению государственной письменности (число последних доходит в настоящий момент до 100 с охватом более 2-х тысяч человек) бумагой, тетрадями и письменными принадлежностями и по линии издательской работы — варварская типографская техника. Как типография, так и недавно созданный ученый комитет, издательство, библиотека, музей и архив не могут развернуть работу из-за отсутствия помещения. Культурные кадры, особенно по линии издательства и газеты, крайне слабы и нуждаются в организации на месте серьезной и длительной подготовки (помимо подготовки соответствующих кадров в Москве). Сам ученый комитет не располагал не только архивными материалами о Туве (из бывших царских архивов), без которых не могло быть поставлено изучение истории Тувы, но и основной научной литературой, в первую очередь социально-экономической (ГАРФ. Ф. Р–5446, оп. 12а, ед. хр. 980, л. 11). В ответ на этот запрос полпредства Центральное Архивное Управление СССР сообщило, что по истории Тувы обнаружено более 1000 дел: «Материал характеризует состояние хозяйства и политическое положение края, бытовые и культурные условия жизни населения в царское время и в период интервенции, освещает вопросы царской колониальной политики; имеются сведения о геологических разведках в Урянхайском крае. Кроме того имеется материал об образовании Центрального Правительства (VII–1921). По заключению профессора Кабо¹⁰ из КУТВЫ, который просмотрел списки выявленных дел и документов, материал очень интересен. В настоящее время снимаются копии с наиболее интересных документов, которые будут переданы для Тана-Тувинской Республики» (ГАРФ. Ф. Р–5446. Оп. 12а. Ед. хр. 980. Л. 32).

В начале 1930-х гг. очевидцы говорили, что отношение к Монголии со стороны тувинцев было «несколько уважительное», хотя утверждение тувинской письменности значительно пошатнуло гегемонию монгольской культуры в Туве (Маслов, 1933: 18). Вероятно, большая часть газет

на старомонгольском языке была уничтожена по решению III пленума ЦК ТНРП (1939 г.) среди прочих печатных материалов «...злейших врагов аратских масс — контрреволюционеров...» (цит. по: Кан, 2009а: Электр. ресурс). Отдельные экземпляры тувинской периодики на старомонгольском языке можно встретить, в частности, в собрании Российского государственного архива социально-политической истории (фонд 495 «Исполнительный комитет Коминтерна (1919–1943)», опись 153 «Тувинская народно-революционная партия (1923–1943)»).

В. Алпатов считает, что в СССР тенденция в языковой области начала меняться с середины 1930-х гг., обусловленная разницей между языковой политикой, которую провозгласили и пытались осуществлять, и реальными потребностями ситуации в централизованном государстве, даже с элементами федерации. Не было уже разговора про интернационализацию или подготовку мировой революции, от другого мира все больше отгораживались. Внутри государства необходимо было укреплять все связи, что невозможно без развития общего языка (Алпатов, 1993: 123). Борьба с «буржуазным национализмом» ширилась, а борьба с «великодержавным шовинизмом» постепенно была свернута. В 1941 г. руководство ТНР приняло решение о переводе тувинской письменности с латинизированной на русскую графическую основу, так как в 1936–1941 гг. «новый алфавит» для большинства языков СССР был заменен алфавитами на основе русской графики (Бичелдей, 2010: Электр. ресурс).

Тувинское государство получало значительную помощь от СССР, но пользовалось ограниченным суверенитетом, что непосредственно сказалось и на языковой политике ТНР. На вышеупомянутые процессы модернизации в гуманитарной сфере оказали решающее влияние языковая политика СССР, а также намерение советской дипломатии и Коминтерна постепенно нивелировать монгольский фактор в тувинском обществе. Советскую сторону беспокоило, что тувинцы «время от времени посматривали на своего южного соседа — Монголию» (РГАСПИ. Ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37, л. 5). Как видно, монголо-тувинские связи пытались предотвратить не только в политической, но и в гуманитарной плоскости. Остается спорным вопрос, насколько стремление «культурно» сблизить тувинцев с алтайцами и хакасами свидетельствует о том, что советская дипломатия допускала включение Тувы в состав СССР уже в конце 1920-х гг. Обоснование этого предположения требует привлечения новых источников и отдельных исследований.

Список литературы:

Адрианов, А. В. (2007) Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 3: Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII — начало XX вв.).

Алпатов, В. М. (1993) Языковая политика в СССР в 20–30-е годы: утопия и реальность // Восток. № 5. С. 113–127.

Алпатов, В. М. (1997) 150 языков и политика 1917–1997. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. : Институт востоковедения РАН.

Бичелдей, К. А. (2010) 80 лет тувинской письменности: становление, развитие, перспективы [Электронный ресурс]// Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2544-bicheldey.html (дата обращения: 12.04.2015).

Владимирцов, Б. Я. (1989) Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М. : Наука.

История Тувы (2007) М. : Наука. Т. 2.

Кан, В. С. (2009а) Возникновение и развитие газетной прессы на старомонгольском языке в Туве (1925–1929 гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/918-kan.html (дата обращения: 12.04.2015).

Кан, В. С. (2009b) Особенности создания и развития периодики на старомонгольском языке в ТНР (1925–1929 гг.) // Монгуш Буян-Бадыргы — основатель Тувинской государственности: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Монгуша Буян-Бадыргы. Кызыл : Национальный музей Республики Тыва. С. 151–155.

Куулар, Е. М. (2012) Юго-восточный диалект тувинского языка. Кызыл : Тувинский гос. ун-т.

Луначарский, А. В. (1930) Латинизация русской письменности. В кн.: Культура и письменность Востока. Кн. 6. [Электронный ресурс] // Наследие А. В. Луначарского. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/raznoe/latinizacia-russkoj-pismennosti> (дата обращения: 12.04.2015).

Маслов, П. П. (1933) Конец Урянхая [Путевые очерки]. М. : ОГИЗ; Молодая гвардия.

Мачавариани, В., Третьяков, С. (1930) В Танну-Туву. М. ; Л. : Молодая гвардия.

Моллеров, Н. М. (2013) О смене властной элиты и политического курса в конце 1920-х годов в связи с китайскими и монгольскими событиями // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 24–37.

Монгуш, М. В. (2010) Тува век спустя после Каррутерса и Менхен-Хельфена. Осака: Национальный Музей Этнологии.

Ошурков, В. А. (2007) Из странствований по земле Урянхов // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 3: Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII — начало XX вв.).

Пальмбах, А. (1935) К празднику национальной культуры в Туве // Революцион-

ный Восток. № 2 (30). С. 162–173.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука.

С. М. (1932) Культурное строительство Тувинской аратской республики // Революционный Восток. № 1–2 (13–14). С. 325–334.

Самдан, А. А. (2001) Монголоязычные источники по истории Тувы: автореф. дис. ... канд. ист. Наук. М.

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство.

Уланова, А. Э. (1988) Особенности монгольского языка юго-восточной Тувы: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Улан-Удэ.

Дата поступления: 10.05.2015 г.

---

¹ П. Миф в 1928–1935 гг. был заместителем заведующего Восточным секретариатом ИККИ.

² IV съезд ТРСМ открылся 24 декабря 1928 г.

³ Я. Давтян — Чрезвычайный и полномочный представитель СССР в ТНР (1924 г.).

⁴ Речь идет об ойротах (старое название алтайцев). Ойратская АО была создана 1 июня 1922 г. В ее состав вошли 20 волостей бывшего Горно-Алтайского уезда Алтайской губернии и 4 волости Бийского уезда Алтайской губернии. 2 марта 1932 г. Ойратская АО была переименована в Ойротскую автономную область, а 7 января 1948 г. — в Горно-Алтайскую автономную область.

⁵ Еще в 1828 г. членами Алтайской духовной миссии был разработан первый алтайский алфавит на основе кириллицы. В 1924 г. традиционная письменность калмыков тодо бичиг была заменена кириллицей.

⁶ Стоит заметить, что, за словами К. Прокофьевой, тувинское население мало знало русский язык. В далеких хошунах, где не было русского старожильческого населения, тувинцы вовсе его не знали (Прокофьева, 2011: 390).

⁷ VI Великий Хурал МНР (08.1930) постановил готовиться к введению латинского алфавита путем его параллельного прохождения в школах наравне с монгольским с тем, чтобы до конца пятилетки перейти на латинский алфавит. Предлагалось в худонах к плановой работе по латинизации монгольского алфавита приступить с начала 1932 г., лишь после соответствующего опыта в Улан-Баторе и подготовки населения путем разъяснительной работы.

⁸ И. Райтер — ректор КУТВ (1928–1937), который прибыл на VIII съезд ТНРП в качестве представителя Коминтерна.

⁹ У июле-сентябре 1929 г. была проведена полномасштабная “чистка” в ТНРП, Союзе молодежи и государственном аппарате.

¹⁰ Кабо Р. — советский исследователь, автор исследования “Очерки истории и экономики Тувы” (М.; Л., 1934).

THE LANGUAGE POLICY AND CULTURAL BUILDING IN THE TUVAN PEOPLE'S REPUBLIC

I. V. Otroshchenko

Abstract: Article is devoted to the role of the Mongolian language in Tuvan official sphere, education and mass-media during the initial years of Tuvan People's Republic. Author investigates into the disputes of language choice for the Tuvan educational institutions and the issue of the Tuvan written language creation (1920's). It proves that the lingual and educational spheres' modernization had been influenced by the trends in the USSR language policy as well as the decision of Soviet diplomacy and Comintern to lead Tuva gradually out of the Mongolian influence. Article reveals the unknown and little-known facts of cultural and educational development of the Tuvan People's Republic.

Keywords: Tuva, Tuvan People's Republic, Mongolia, USSR, Comintern, state language, Mongolian language, written language, latinisation, language policy.